

Тадышева Н. О.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ (АЛТАЙЦЕВ, ХАКАСОВ И ТУВИНЦЕВ): АРХАИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ И НОВАЦИИ

В статье определяются значение и роль архаических культов в настоящее время в традиционной культуре тюрков Саяно-Алтая. Проведенное исследование показывает, что в современной похоронно-поминальной обрядности тюрков Саяно-Алтая наблюдаются общие черты – сохранение значения культа предков, сакральность огня, ритуализированный характер поминальной трапезы, обряды перехода – обряд «ночевки», проводы души и другие. Интерес представляют и трансформации, характеризующие особую картину мира для алтайцев, тувинцев и хакасов. Формирование основных характерных признаков современной традиционной обрядности происходило в результате влияния разных государственных образований, религиозных учений и социокультурных изменений общества. Хотя общий мировоззренческий пласт, свойственный для народов Саяно-Алтая, был модифицирован, однако можно утверждать, что в определенном контексте они продолжают действовать и сейчас.

Ключевые слова: семейная обрядность, похоронно-поминальный обряд, устойчивость, изменчивость, Саяно-Алтай.

Современный похоронно-поминальный обрядовый комплекс тюркских этносов Саяно-Алтая – алтайцев, хакасов и тувинцев – является объединением ряда компонентов: традиционного тюркского обряда (сочетающего в себе как шаманские, бурханистские, так и архаические элементы), элементов общесоветской обрядности, внедрявшейся на протяжении нескольких десятилетий XX в., и элементов новых представлений и практик, возникших в ходе духовных поисков в постсоветский период, на которые повлияли, в том числе, и инокультурные контакты. В данной статье не ставится задача полного описания всего комплекса современного похоронно-поминального ритуала тюркских этносов, а обращается внимание на одинаковые сюжеты в представлениях о смерти и связанные с ними обряды у алтайцев, хакасов и тувинцев. Также исследуются особенности похоронно-поминальной обрядности, характерные для каждого из исследуемых тюркских этносов Саяно-Алтая.

Исследование трансформации семейных обрядов является актуальной задачей, и важнейшее значение таких исследований заключается в том, что прослеживаются одновременно как тенденции их сохранения, так и изменения, появившиеся в обрядовой практике.

Трансформации похоронного обряда, как наиболее консервативной составляющей семейной обрядности, отражают наиболее глубинные пласты процессов, происходящих в традиционной культуре. Поминальная обрядность – это мощный инструмент поддержания и активизации культурной памяти не только в масштабах семьи, но и всего общества (Соколова, 2013).

Схожие сюжеты. Употребление особого определенного языка – **иносказательность**: вместо слова «умер», у алтайцев говорят: «*кижи короды*», «*ол јерге атана берди*» – «на тот свет отправился», «*ада-өбөкөниң јерине јуре берди*» – «ушел в мир предков», «*јада калды*», «*божой берди*» – «скончался» (Тадышева, 2011: 129). У тувинцев чаще всего употребляют следующие выражения: «*кызыл дустай берген*» – «отправился на тот свет», «*тываажаннай берген*» – «отправился в рай» (Ултургашева, 2013: 390), а у хакасов: вместо обычного «уреп парган» («умер») говорят: «*сын чирзер парыбыстыр*» – «ушел в истинную землю», «*тигі чирзер парыбыстыр*» – «ушел в иной мир», «*тозыл парган*» «скончался», «*тілаас пол партыр*» – «новость пришла», «*хомай пол партыр*» – «случилось плохое» (Бурнаков, 2009: 128).

По традиционным представлениям алтайцев со смертью заканчивается жизнь только в этом мире, но она продолжается в мире предков. Информанты называют его как «*ада-өбөкөниң јери*» – «мир предков», «*айлу-күндү ол Алтай*» – «луно-солнечный тот Алтай», «*ол*

жер» – «та земля» (Тадышева, 2011: 130). Безусловно, на представления о мире предков сильное влияние оказывает **культ предков**. Существует мнение, что, когда умер человек, нельзя много плакать, сильно страдать. Считается, что умершему будет трудно «уйти на тот свет». Слезы, пролитые над ним, это лишние препятствия на его дороге. «*Ат олбёскё алтын ба, эр олбёскё мөнүн бе*» – «Лошадь не умирать – разве золото, человек не умирать – разве серебро» гласит алтайская поговорка. У каждого своя судьба, у каждого свой путь. Пожилые алтайцы зачастую заранее готовятся, они говорят: «*јанар керек*» (букв. «домой возвращаться надо»). Считается, что смерть – это неизбежное явление для пожилых, проживших свою жизнь среди людей.

И в хакасской традиции смерть воспринималась как явление закономерное и неподвластное человеку. «*Ікі олім полбас, пірден ос полбассын*» – «Два раза не умирать, одной не избежать» (Бурнаков, 2009: 126).

Умершего готовят к жизни в «ином» мире, алтайцы кладут ему в гроб различные продукты (кроме молочных), *көжөгө* (свадебный занавес для женщины), посуду; если человек курил, то курительные принадлежности. Все эти предметы специально либо рвут, либо ломают. Намеренная порча вещей обусловлена верой в перевернутость иного мира. Люди верили, что в потустороннем мире жизнь устроена наоборот: разломанная вещь приобретёт целостность. В гроб не кладут предметы, изготовленные из кожи хищных, когтистых животных, колющие, режущие, а также золотые предметы.

Тувинцы и в наши дни продолжают снабжать умершего сопроводительным инвентарем. В гроб кладут головной убор, расческу, нитку, продукты. Кладут в гроб и иголку, хотя некоторыми и отмечается запрет на любые колющие предметы (Кисель, 2009: 75, 81).

У хакасов также в гроб кладется доля покойника – личные вещи, посуда, мешок с провизией и курительные принадлежности (если курил) (Бурнаков, 2009: 133). Исследователи объясняют это верой в то, что после смерти человек также нуждается в пище, одежде и в различных предметах домашнего обихода. Поэтому погребение человека есть не что иное, как снабжение его всем необходимым в дальнейшей жизни, прощание с ним и отправление в новый мир (Майнагашев, 1915: 278).

Распространен **обряд «ночевки»** покойного. В Туве в доме умершего всю ночь (иногда три ночи подряд) рядом с трупом сидят пожилые родственники. Они ведут тихие беседы на отвлеченные бытовые темы, играют в настольные игры (Кисель, 2009: 78).

Хакасы в течение всего срока до погребения покойника не оставляли одного дома. В двенадцать часов ночи накрывался стол для тех, кто будет находиться возле покойника. Эти люди должны были бодрствовать всю ночь до рассвета. По сообщению Н. Ф. Катанова, «если кто-нибудь заснет, то придет тень умершего человека и задушит его». На ночь покойника закрывают покрывалом (Бурнаков, 2009: 133).

В алтайской традиции пока умерший лежит в доме, он один не остается, в доме всегда должно находиться много людей. Каждого зашедшего приглашают за стол отведать угощения, чтобы умерший в «тот мир» отправлялся сытым. Спать ночью в доме, где лежит покойник, нельзя. Люди сидят, потихонечку разговаривают, пьют чай, мужчины играют в карты. Все направлено на то, чтобы родственники одни не оставались, чтобы ночью «черные силы», которых в эти дни собирается очень много, не причинили вреда родственникам покойного (Тадышева, 2011: 132).

Следующим важным обрядом является «**проводы души / поминальное подношение / кормление души**» как обряд перехода, отделение от прежней среды (бытия) и включение в новую среду (инобытия) путем совершения действия. Как свидетельствуют полевые материалы в настоящее время алтайское население в соответствии с традицией во время поминок на 3-й, 7-й и 40-й день совершают так называемый обряд «*кижинин төгүзи*». В большинстве случаев обряд не называют вслух, поэтому во время траура говорят «*чачу*» или «*чачылга (чачылта)*» (букв. «кропление», здесь «кормление душ умерших»). Поминальное подношение

умершим «*tögü*» (букв. «*tögötöни*» – выливать) совершают в день похорон и во время поминок вечером. Специально для обряда закалывают овечку: берут мясо с сакральных частей туши овечки, нанизывают его на острые деревянные палки и опускают в казан с «*көчө*» (мясная похлебка из перловки). Варят мясо «*канын кайнада*» до полного вываривания крови.

При посещении дома умершего родственники, близкие, друзья, все кто приходят попрощаться, помянуть приносят с собой продукты – чай, хлебобулочные изделия, сладости, фрукты, водку или сок, но обязательно нечетное количество. Из продуктов, которые принесли, берется нечетное количество кусочков, которые с тыльной стороны ладони кладутся в отдельную посуду. Варят чай из новой пачки, без молока, готовят одну бутылку водки. Все виды еды должны быть нечетного количества. Молочные продукты не употребляются.

Вечером на закате солнца летом в 8–9 часов, зимой в 5–6 часов – «*кызыл энирде*» (букв. красный вечер, здесь сакральное время, считается, что в этот период открывается дверь в мир предков) близкие умершего, старшие в семье идут совершать обряд «*чачылга*», на который приглашают «*неме билер кижии*» (букв. нечто знающие люди), «*көсмөкчи*» (букв. ясновидящие). На обряд идут нечетное количество людей. Женщины и дети не участвуют в данном обряде.

Все продукты и посуду оставляют на месте обряда, домой с собой ничего не берут. После возвращения люди умывают лицо, руки, очищаются огнем. Садятся за стол, тихо разговаривая, кушают (Тадышева, 2015: 227).

В тувинской семейной обрядности в доме, где находился покойник, на специальном столике, ставили небольшие чашечки с ритуальным угощением и зажигали свечу, которая должна гореть 49 суток. Смысл этого обряда заключается в кормлении души покойного и освещении ему пути в царство Эрлик-хана. Основа кормления – запахи еды, от любого блюда необходимо положить небольшую ложечку еды рядом со свечой на блюде. Если приносились какие-либо продукты из магазина, надо было отщипнуть, отломить небольшие кусочки и тоже положить на столик. Со временем эта ритуальная еда могла зачерстветь, высохнуть, но ее нельзя было выбрасывать, а собирать в небольшой мешочек. Этот мешочек, с другими продуктами, которые готовились на поминальный обряд на 49 дней, сжигался на костре. У тувинцев костер разводят во время обряда кормления покойного, который проводится на 7-й и 49-й день поминовения (Ултургашева, 2013: 390).

В хакасской традиционной культуре для умершего накрывают отдельный стол. Каждый прибывший на похороны родственник кладет в чашу для покойного угощение и *хабах* (спиртные напитки). На стол обязательно ставится чай с молоком, кладутся кондитерские изделия, отваренные куски мяса, костный мозг, печень, почки, мясо курицы (для женщины) или петуха (мужчины), иногда баранья голова. На похоронах забивали крупный рогатый скот. Животное, которое закалывали на похороны в честь умершего, называли «*тёоги*». В качестве *тёоги* для мужчин выступал бык, а для женщин – корова. При разделке туши кости рубить запрещалось, расчленяли по суставам. Сохранение целостности костяка несло в себе семантику возрождения и непрерывного воспроизводства скота, а в некоторых случаях *тёоги* выступал еще и в качестве ездового животного в загробный мир (Бурнаков, 2009: 133).

В похоронно-поминальной обрядности тюрков Саяно-Алтая значительное место играет **культ огня**. Возжигание огня после смерти человека обычай свойственный многим народам. У тувинцев сохраняется и в настоящее время обычай – держать в доме покойного зажженный светильник, его роль играет буддийская лампада – бронзовая или латунная чашка на высокой ножке, в которую налито масло и плавает хлопковый фитиль, тувинцы называют ее *чула* (Кисель, 2009: 76).

Очистительные функции огня представлены в действиях тюрков Саяно-Алтая при контакте с умершим: люди, которые мыли покойника, очищаются водой и огнем. Вернувшись с кладбища, люди умывались, очищались дымом от костра из сухой травы (Тадышева, 2011: 133).

Хакасы, вернувшись с похорон, умывались, окуривались дымом ирбена (богородская трава, чабрец), что символизировало очищение после контакта с миром мертвых (Бурнаков, 2009: 135).

По возвращении с кладбища тувинцы окуривают себя тлеющими ветками можжевельника и совершают очистительное омовение рук и лица водой, смешанной с молоком и раскрошенным сухим можжевельником (Кисель, 2009: 90).

Через огонь устанавливается и связь с миром предков. Огонь рассматривается, как способ отправки жертвоприношений в иной мир и имеет корни в индоиранских культурах. Так, чтобы умерший мог воспользоваться своими вещами в том мире, передача происходит через сжигание. Обряд сожжения – обряд иранского происхождения. Видимо, здесь прослеживаются иранские религиозные представления, по которым огонь был самой чистой сферой, через которую бог принимал от людей жертвы.

После проведения похорон и поминальных обрядов *контакты с иным миром ограничивались*, соблюдаются ритуалы, ограждающие живых людей от его влияния.

Хакасы, возвращаясь с кладбища, не оглядывались, так как считалось, что за ними может последовать *сюне* (душа) умершего (Бурнаков, 2009: 135).

Тувинцы в старые времена не посещали могилу. Если кто-либо посетит могилу, черти мертвеца сразу же «поймают» душу того посетителя. Затем тот человек без души заболевает и умрет. На могиле бывают только черти, которые отобрали душу того покойника, который там лежит (Кенин-Лопсан, 2002: 81).

Алтайцы, возвращаясь с кладбища, не оглядываются назад, считается, что «черные силы» пойдут за процессией (Тадышева, 2011: 133).

С. Д. Майнагашев писал: «На последних поминках через год после смерти человека с ним прощаются, с тем, чтобы больше не иметь никаких сношений. После этого теряется всякая связь между живыми и умершими. Последний становится на общее положение душ умерших и носит название “юзют”» (Майнагашев, 1915: 278).

Называть новорожденного в честь умершего родственника также нельзя. Пожилые алтайцы объяснили это так: когда именем умершего называют ребенка, то родственник с таким именем в мире предков будет постоянно беспокоиться, ведь его «звуют» в солнечном мире (Тадышева, 2011: 100).

Также по старинному обычаю тувинцев нельзя называть громко имя того, кто «ушел за красной солью» (умершего). Кто громко произносит имя того, кто «ушел за красной солью», того ждет беда или он отделяется от жизни (Кенин-Лопсан, 2002: 81).

Четкая регламентация и обязательное соблюдение ритуала в современной похоронно-поминальной обрядности говорит о его сакральности. Не теряет своего значения представление, что, если по поводу смерти не были выполнены похоронные обряды, умерший обречен на жалкое существование – он не может проникнуть ни в мир мертвых и включиться в сообщество, которое там сложилось, ни остаться в мире живых. Чтобы умерший был включен в мир предков, проводятся обряды перехода – отделения и включения, с целью сохранения преемственности поколений. Не включенный становится *көрмөсөм* черной силой, который может приносить беспокойство и несчастья, и чтобы защитить, оградить семью, себя необходимо проводить обрядовые действия без нарушения общепринятых норм и правил поведения.

Отличительные моменты. В тувинской похоронно-поминальной обрядности заметно *влияние буддизма*. Так, тувинцы, в настоящее время заказывают в *хурээ* в буддийском храме поминальную молитву, которая совершалась либо ежедневно, либо через каждые 7 суток, пока не наступили завершающие 49-е сутки (Ултургашева, 2013: 390).

В настоящее время в Туве на похороны обязательно приглашают ламу. До выноса тела лама совершал специальную молитву, направленную на то, чтобы обеспечить душе покойного максимально благоприятное перерождение, желательно снова в человеческом теле (Ултургашева, 2013: 390).

На прощание с покойным или для общения с его «душой» жители г. Кызыла часто приглашают поочередно шамана или ламу. Конкретный час выноса трупа, время похорон и место погребения (при наличии нескольких кладбищ) нередко определяются ламой, шаманом или авторитетными пожилыми родственниками. Как считают исследователи, данная ситуация не отражает стирания между шаманским и буддийскими установками, а демонстрирует двоеверие (Кисель, 2009: 76–77).

Практически по всей Туве распространен русский похоронный обычай одевать умершего в новый или мало поношенный костюм. Но в некоторых поселках население продолжает следовать буддийскому ритуалу и покойника хоронят без одежды, завернув в полотнище белой ткани – саван. На юго-западе Тувы используют саван белого или окрашенный в цвет соответствующего года рождения по буддийским представлениям. В северо-восточном районе расцветка савана зависит от пола – мужчинам синий, голубой, женщинам белый, светло-розовый (Кисель, 2009: 77).

Христианизация и многовековой опыт межэтнического взаимодействия повлияли на трансформацию семейной обрядности тюрков Саяно-Алтая. С началом христианизации, как у алтайцев, так и у хакасов, а позже, и у тувинцев новации проникли в похоронные обряды: появление подземных захоронений на специальных кладбищах, соблюдение поминальных дней. Вероятно, это связано с неразработанностью этих сюжетов и сохранением табуированности этой темы в традиционных верованиях. Отсюда поиски объяснения в христианстве, которое дает понятия «греха», «ада», разработанное представление о посмертном существовании.

Также необходимо отметить, что и в Хакасии, и на Алтае православная культура для части коренного населения со временем стала восприниматься как традиция. Исследование свидетельствует о разной глубине проникновения православия и о разном по интенсивности его воздействии на этносы Саяно-Алтая, что объясняется более ранним проникновением православия в их среду и тесными соседскими, бытовыми и родственными связями с русскими.

Под влиянием православия в традиционной обрядности алтайцев произошли серьезные изменения (Тадышева, 2011: 142–143). К примеру, на Алтае примерно с 1980-х гг. начались посещения кладбищ и уход за могилами умерших, особенно людьми среднего возраста. Происходит это в дни поминок или в день «*өлгөндөрдүн байрамы*», т. е. «праздник умерших». Так называют алтайцы «день поминовения усопших» по христианскому календарю. Интересно отметить, что раньше в алтайских селах этот день никогда не отмечали. Но в конце XX в. *обычай «өлгөндөрдүн байрамы»*, едва появившись в некоторых селах, начал затухать (Клешев, 2005: 117–119.). В данном обряде прослеживается влияние русской культуры, связанные с бытовыми контактами. Христианские традиции, принадлежность к христианской вере привели к изменению многих элементов в традиционной похоронной обрядности.

Мифо-ритуальный комплекс хакасов содержит заимствования из христианства – молитвы, перекрещивание и многое другое, что способствовало по народным представлениям, «облегчению участи усопшего» (Бурнаков, 2009: 135).

В Туве умершей девушке или молодой женщине вместе с сопроводительным инвентарем могут положить губную помаду, бутылку красного вина, мужчине – бритвенный станок, одеколон, бутылку водки, пачку сигарет. Бутылки со спиртным и пачки сигарет должны быть открытыми. Как считают исследователи, включение в состав сопроводительного инвентаря алкогольных напитков, видимо, заимствовано из русскоязычной среды (Кисель, 2009: 82).

Интерес представляет и разнообразие сроков проведения поминальных дней, на данный момент в этнографической литературе нет однозначного ответа относительно выбора именно этих дней. Очевидно, здесь также прослеживается влияние и буддизма, и православия.

Одни исследователи объясняют, что поминки алтайцы проводили на 3-й, 7-й, 40-й дни и через один год. На 3-й день душа умершего «входит» в свой аил и ищет то, что забыли положить с умершим. На 7-й день она впервые осознает себя умершей, когда в виде птички садится

на траву и видит, что та не сгибается под ее тяжестью. На 40-й день после смерти душа покойного отправлялась в подземную страну Эрлика. В последний раз душу умершего «кормили на годовых поминках. У других отмечается, что поминки проводят на 3-й, 7-й, 40-й дни. Душа человека в течение трех дней находится рядом с семьей, домом. Затем в течение сорока дней она проходит свою жизнь заново: от начала до конца. На 40-й день душа становится воробьем, сев на траву и увидев, что она не сгибается, понимает, что умер. Спустя год поминальный обряд не проводят. Пожилые люди объясняют это тем, что раньше годовые поминки не проводили совсем, что это заимствовано от православного русского населения.

Есть информация, согласно которой на 3-й день душа выходит из тела умершего. В течение семи дней она проходит 7 ступеней мира предков, в это время она угощает 7 дочерей Эрлика. На 40-й день «*кижи кебине чыгып јат*» (букв. «выходит из своего прежнего состояния»). Так и на 40-й день новорожденный «*кебине кирип јат*» (букв. «входит в свое тело, состояние»), именно поэтому до этого срока родители чужим ребенка не показывают (Тадышева, 2011: 135–136).

У тувинцев, когда умирает кто-либо, его душа живет в течение трех лет, посещает его бывшие стоянки и близких родственников. Когда исполнится первая или третья годовщина со дня смерти человека, приглашают сильного шамана, он устраивает свидание души покойного с его родственниками. Когда пройдет третья годовщина со дня смерти человека, душа умершего больше не вернется (Кенин-Лопсан, 2002: 79).

В течение года хакасы поминали умершего, выходя на кладбище, четыре раза: на 7-й, 40-й, 100-й дни (ныне – и полгода) и на годовщину. Самым знаменательным днем поминок считается 40-й (*хырыгы*), в этот день душа покойного предстала перед судом загробного мира. Третьи поминки совершали на 100-й день, но сейчас проводятся полгода. Исследователи объясняют это влиянием русских соседей. Последние поминки совершались через год (Бутанаев, 2014: 117, 145). Есть и другое мнение, что обряды поминок у хакасов устраивались на 7-й, 20-й, 40-й день, полгода и годовщину со дня смерти (Ултургашева, 2013: 390).

Влияние бурханизма. Отметим отличительные черты в алтайской похоронно-поминальной обрядности, на которые видимо, оказал влияние бурханизм, возникший и распространившийся в Горном Алтае в начале XX в. Во время поминальных обрядов не проводятся ритуалы, посвященные «*јайык*» – покровителю семьи, который защищает «*курчап јат*» (букв. ставит преграду), он является охраной «*корычыл*». В пантеоне алтайского шаманизма «*јайык*» представлен как дух посредник, охранявший человека от всех несчастий и бед, именно через него приходили души всего живого, но его главная роль заключалась в посредничестве между человеком и верхними божествами. С возникновением бурханизма значение *јайык* `а актуализировалось и со временем он трансформировался в самостоятельное семейное божество. Тем самым ограничивается контакт божества мира живых с миром предков, миром умерших (Тадышева, 2013: 169).

Также существует запрет использования в традиционной похоронно-поминальной обрядности алтайцев молока и молочных продуктов, можно объяснить тем, что в ритуальной практике бурханистов на первый план вышли молоко и молочные продукты. Необходимо отметить, алтайцы, приверженцы бурханизма называли свою веру «*ак јан, сүт јан*» – «белой верой, молочной верой».

Хотя *арчын* и несет в алтайской культуре функцию очищения, он, в первую очередь, является чистым и по представлениям алтайцев применение в похоронной обрядности влечет его осквернение. Для бурханизма характерна особо выраженная сакрализация *арчын* `а (Шерстова, 2010: 209–211).

В современной семейной обрядности отражены и социокультурные изменения общества в связи с внедрением в традиционную обрядность **элементов общегражданского способа захоронения**. Эволюция похоронно-поминальной обрядности обусловливается государствен-

ными нормами – медицинское освидетельствование, фиксация факта смерти в правоохранительных органах и т.д., экономическими преобразованиями, урбанизацией – в городских условиях проводят поминальный обед в столовых, кафе, ресторанах. Но после поминального обеда дома у умершего все равно проводится «ночевка». Мы видим, как традиция вступает во взаимодействие с этой новой нормой. Безусловно, оказывает влияние и повышение образовательного уровня населения, и снижение роли традиционных способов трансляции культурного опыта.

Сегодня наблюдается деконфессионализация современного типа захоронения. Организация намогильного памятника в настоящее время в большинстве определяется современными тенденциями и вкусами. Гроб наряду с искусственными цветами и венками, является неотъемлемым атрибутом при похоронах. Изменения в погребально-поминальной обрядности можно охарактеризовать как видоизменение традиций; в некоторой части обрядности идет вымывание архаических представлений, прослеживаются заимствования и установление новых элементов в современных условиях.

Одинаковые сюжеты в мировоззрении тюрков Саяно-Алтая: алтайцев, тувинцев и хакасов свидетельствуют о древней этнокультурной общности. Мировоззренческие универсалии определяются природным и историческим опытом народов, который позволяет переживать, оценивать и осмысливать мир одинаково, но каждый этнос формирует собственный образ мира, выражающий присущую только ему картину мира. Представленный материал показывает, что в традиционной картине мира и у алтайцев, и у тувинцев, и у хакасов, представления о видимой и невидимой форме жизни едины. А проведение обрядов перехода – отделения и включения, чтобы умерший был отделен от этого мира и включен в мир предков, трансформируется под влиянием разных религиозных учений и социально-экономических условий жизни населения.

Список литературы

- Бурнаков В. А. К вопросу о похоронной обрядности у хакасов // Сибирский сборник. – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – Кн. 2: [сборник результатов научных исследований, изложенных на VII Сибирских чтениях, посвященных памяти Г. Н. Грачевой, прошедших 23–24 октября 2007 г. в МАЭ РАН / отв. ред. к.и.н. Л. Р. Павлинская]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – С. 126–136.
- Бутанаев В. Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. – Абакан: ООО «Журналист», Б.г. – 316 с.
- Кенин-Лопсан М. Б. Мифы тувинских шаманов. – Кызыл: Новости Тувы, 2002. – 544 с.
- Кисель В. А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – XXI в. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 142 с.
- Клешев В. А. Традиционная похоронная обрядность алтайцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Вып. 6 / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 117–119.
- Майнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2, вып. 2/3. – С. 277–292.
- Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2011. – 176 с.
- Тадышева Н. О. Культ жайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 169–171.
- Тадышева Н. О. Обряд чачылга: современная похоронно-поминальная обрядность в алтайской традиционной культуре // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). – Вып. 9 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – С. 226–228.
- Соколова А. Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке: на материалах Владимирской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013 // Электрон. текст. дан. Библиотека диссертаций, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pohoronnoj-obrjadnosti-u-russkih-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (дата обращения: 10.10.2015).

Ултургашева Н. Т., Ултургашева И. Г. Обряды защиты жизни в традиционной культуре тюрков Сибири в современный период (на примере похоронно-поминальной обрядности) // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С. 389–391.

Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 228 с.

Тадышева Н. О., кандидат исторических наук, заместитель директора.

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова.

Ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, Россия, 649000.

E-mail: tadisheva@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18.07.2017 г.

Tadyheva N. O.

MODERN FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE TURKS OF THE SAYAN-ALTAI MOUNTAINS: ARCHAIC CULTS AND INNOVATIONS

The present day significance and role of archaic cults are defined in the traditional culture of the Turks of the Sayan-Altai. The study shows that in the modern funeral and memorial rites of the Turks of the Sayan-Altai there are common features such as the preservation of the values of the cult of the ancestors, the sacredness of fire, the ritualized character of a memorial meal, the rites of transition – the “overnight” ritual, farewell to the soul ceremony and others. The transformations characterizing a special worldview for the Altai, Tuva and Khakas people are also of interest. The formation of the main characteristic features of modern traditional rituals occurred as a result of the impact of various State formations, religious teachings and social and cultural changes of society. Although the general world outlook layer peculiar to the peoples of the Sayan-Altai has been modified, in a certain context they continue to operate and now.

Key words: *family rituals, burial-memorial rite, stability, variability, the Sayan-Altai.*

References

- Burnakov V. A.* K voprosu o pokhoronnoj obryadnosti u khakasov // Sibirskij sbornik. – 1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorij. – Kn. 2: [sbornik rezul'tatov nauchnykh issledovanij, izlozhennykh na VII Sibirskikh chteniyakh, posvyashchennykh pamyati G. N. Grachevoj, proshedshikh 23–24 oktyabrya 2007 g. v MAEH RAN / отв. ред. k.i.n. L. R. Pavlinskaya]. – Sankt-Peterburg: MAEH RAN, 2009. – P. 126–136. [To the question of the funeral rites of Khakassia // Siberian collection. – 1. Funeral rites of the peoples of Siberia and adjacent territories. – Kn. 2: [a collection of research results, presented at the VII Siberian readings dedicated to the memory of G. N. Grachev, held on 23–24 October 2007 at the Kunstkamera / ed. ed. by K. I. B. L. R. Pavlinskaya]. – Saint Petersburg: MAE ran, 2009. – P. 126–136.] (in Russian)
- Butanaev V. Y.* Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya. – Abakan: Zhurnal'ist. – 316 s. [Weekdays and holidays of the Khongoraya Turks. Abakan: Journalist. 316 sec.] (in Russian)
- Kenin-Lopsan M. B.* Mify tuvinskikh shamanov. – Kyzyl: Novosti Tuvy, 2002. – 544 s [Myths of Tuvinian shamans. Kyzyl: Tuva News, 2002. 544 p.] (in Russian)
- Kisel' V. A.* Poezdka za krasnoj sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII–XXI v. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. – 142 s. [Trip for the red salt. The funeral rites of Tuva. XVIII–XXI century. – St. Petersburg: Nauka, 2009. – 142 p.] (in Russian)
- Kleshev V. A.* Traditsionnaya pokhoronnaya obryadnost' altajsev // Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Vyp. 6 / pod red. M. A. Demina, T. K. Shcheglovoj. – Barnaul: Izd-vo Barnaul'skogo gos. ped. un-ta, 2005. – P. 117–119. [Traditional funeral ritual of the Altai people // Ethnography of the Altai and adjacent territories: materials of Intern. scientific.-pract. Conf. Vol. 6 / under the editorship of M. A. Demina, T. K. Shcheglova. – Barnaul: publishing house of Barnaul state PED. University press, 2005. – P. 117–119.] (in Russian)
- Majnagashev S. D.* Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyam turetskikh plemen Minusinskogo kraja // Zhivaya starina. – 1915. – № 2, vyp. 2/3. – P. 277–292. [Afterlife according to the beliefs of the Turkish tribes of the Minusinsk region // Living antiquity. – 1915. – No. 2, vol. 2/3. – P. 277–292.] (in Russian)

Sherstova L. I. Burkhanizm: istoki ehtnosa i religii / otv. red. V. P. Zinov'ev. – Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2010. – 228 s [Burkhanism: the origins of the ethnos and religion / ed. edited by V. Zinoviev. – Tomsk: Tomsk state University, 2010. – 228 p.] (in Russian)

Sokolova A. D. Transformatsii pokhoronnoj obryadnosti u russkikh v XX–XXI veke: na materialakh Vladimirskoj oblasti. avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2013 // Elektron. tekst. dan. Biblioteka dissertatsij, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pokhoronnoj-obryadnosti-u-russkikh-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (data obrashheniya: 10.10.2015). [The transformation of funeral rites in Russian XX–XXI century: on materials of the Vladimir region. Abstract. – Dis. kand. ist. n. M., 2013. // Electron. text. Dan. Library of theses and dissertations, 2013. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/transformacii-pokhoronnoj-obryadnosti-u-russkikh-v-xx-xxi-veke-na-materialah.html> (reference date: 10.10.2015).] (in Russian)

Tadysheva N. O. Vliyanie khristianizatsii na semejnuyu obryadnost' korenного naseleniya Gornogo Altaya. – Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskaya tipografiya», 2011. – 176 s. [The influence of Christianisation on family rituals of the indigenous population of Gorny Altai. – Gorno-Altai: Gorno-Altai printing house, 2011. – 176 p.] (in Russian)

Tadysheva N. O. Kul't jajyk v traditsionnykh predstavleniyakh altajtsev // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2013. – № 3 (23). – S. 169–171. [The cult *jajyk* in the traditional beliefs of the Altaians // Vestnik of Tomsk state University. History. – 2013. – № 3 (23). – P. 169–171.] (in Russian)

Tadysheva N. O. Obryad *chachylga*: sovremennaya pokhoronno-pominal'naya obryadnost' v altajskoj traditsionnoj kul'ture // Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territorij: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashh. 25-letiyu tsentra ustnoj istorii i ehtnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Barnaul, 28–30 oktyabrya 2015 g.). – Vyp. 9 / pod red. T. K. Shcheglovoj. – Barnaul: AltGPU, 2015. – P. 226–228 [Rite *chachylga*: the modern funeral rites in the Altai traditional culture // Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of International scientific conference commemorating the 25th anniversary of the centre for oral history and ethnography of the laboratory of historical regional study of Altai State Pedagogical University (Barnaul, October 28–30, 2015). – Vol. 9 / edited by T. K. Shcheglova. – Barnaul: AltGPU, 2015. – P. 226–228.] (in Russian)

Ulturgasheva N. T., Ulturgasheva I. G. Obryady zashhity zhizni v traditsionnoj kul'ture tyurkov Sibiri v sovremennyj period (na primere pokhoronno-pominal'noj obryadnosti) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2013. – № 5 (42). P. 389–391. [Rituals of life protection in the traditional culture of the Turkic peoples of Siberia in the modern period (for example, funeral rites) // World of science, culture, education. – 2013. – No. 5 (42). – P. 389–391.] (in Russian)

Tadysheva N. O., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director.

BNU RA “Scientific and Research Institute of Altaian Studies” n.a. S. S. Surazakov.

Ul. Sotsialisticheskaya, 6, Gorno-Altajsk, Republic of Altai, Russia, 646000.

E-mail: tadisheva@mail.ru